

УДК 82.01/.09

МРНТИ 17.07.41

<https://doi.org/10.48371/PHILS.2023.70.3.027>

СТЕПНОЕ ЗНАНИЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

*Алтыбаева С.М.¹

*¹д.ф.н., профессор Университета Нархоз, Алматы, Казахстан,
altybayevasaule@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования и развития *степного знания* тюрков, отражения его содержания, функций, когнитивной и коммуникативной природы в современной литературе и искусстве Казахстана. Данный концепт осмысливается в широком цивилизационном историко-культурном диапазоне, с привлечением данных философии, археологии, истории, мифологии, литературы и других направлений. Степное знание выступает значимой эпистемой номадического общества, степной цивилизации в целом. Новизна исследования заключается в когнитивном и феноменологическом рассмотрении междисциплинарной проблематики степного знания, актуализированного в современном художественном дискурсе Казахстана, выявлении его жанрово-стилевых, философских характеристик. Научная значимость работы заключается в обосновании и аргументации важных направлений эстетико-философской реконструкции компонентов степного знания в национальной литературе и искусстве, термина «степное знание» в общегуманитарном межпредметном контексте.

Парадигматика *степного знания* четко и ясно коррелируется с культурным кодом нации, отражающим специфику ее материального, духовного бытийного пространства. В статье определяются и обосновываются такие отличительные признаки данного знания, как безусловная принадлежность степному ареалу, постепенность формирования, длительное перманентное развитие и широкое распространение во всех слоях общества, вариативность, исключительная метафоризация и объективация в осмыслении фактов истории, философии, культуры, текущих вопросов кочевого общества. Отсюда – онтологическая емкость *степного знания*, особенности его повсеместного распространения и трансляции. Практическая значимость данного исследования определяется представлением перспективной оригинальной техники герменевтической реконструкции базовых конструктов Степного гнозиса, анализа нарративной структуры, гетеротопий, семантики и стилистики текста.

Методология исследования включает в себя методы семиотического, когнитивного, литературоведческого, нарративного, структурного, аксиологического анализа, технику герменевтической реконструкции. Разрабатываются поэтологические особенности отражения в современном искусстве значимых историко-культурных кодов, связанных с городами и другими топосами Великой степи. Данный тезис особо проявляется в исторических произведениях (*Жүсіп Баласағұн, Саки, Гибель Отрара, Қытшақ аруы*) и текстах постмодернистской направленности (*Казахский эротический роман, Дом суриката, Гүлдер мен кітаптар*). Результатами исследования выступает научное обоснование концептуальной целостности Степного знания как специфической знаниевой парадигмы, сохранения его историко-философской и эстетической ценности в современном художественном дискурсе Казахстана.

Ключевые слова: степное знание, литература, концепт, культура, код, эстетика, философия, гетеротопия

Основные положения

Степное знание – явление экстраординарное в истории мировой культуры, равно, хотя не вполне, актуализированное в современной гуманитарной мировой парадигме. Объемное во временном и пространственном измерениях, оно включает в себе множество пластов духовной и материальной культуры насельников степи в разных частях света. Степь издавна ассоциируется с кочевым образом жизнедеятельности. При этом явление кочевничества предстает не анахронизмом, далеко отстоящим во времени, пройденным явлением, но активно существующим феноменом современности. К примеру, номадологами выделяются шесть типов современных кочевников [1]. Не углубляясь в изучение феномена кочевничества как такового, подчеркнем, что несомненный интерес представляет анализ эпистемологического содержания и собственно эстетики Степного знания, отраженного в художественной практике современных авторов Казахстана.

Необходимо отметить, что сложное содержание Степного знания как достаточно гибкой, одновременно сложной по структуре знаниевой парадигмы обосновывает необходимость системного, междисциплинарного в приоритете подхода, с привлечением ряда источников по мифу, фольклору, постструктурализму, теории литературы, нарратологии, археологии, истории, этнографии, философии текста и других дискурсов. Оно рассматривается здесь в широком контексте номадической, полукочевой и тюркской культуры. Необходимость сохранения и развития Степного знания как значимой части общекультурного наследия обосновывает его активное вовлечение в современный гуманитарный дискурс, включая науку, образование, литературу, различные виды искусства.

Степное знание представляет собой объемную ментальную метакогнитивную парадигму, включающую базовые, пролонгированные во времени и пространстве, элементы философии, мифологии, фольклора, литературы, этнопедагогики, этнопсихологии, национального изобразительного, монументального, музыкального искусства и других видов творчества тюркоязычных народов степного мира Евразии.

Существующая в настоящее время недостаточная разработанность данного концепта в герменевтическом, эпистемологическом аспектах обосновывает необходимость представления понятийной детализации степного гнозиса, его категориальной стратификации и концептуализации, научного осмысления в широких пределах философии, литературы, искусства, истории, фольклора и других гуманитарных дисциплин. Это специфическое знание формировалось на протяжении многих тысячелетий в преимущественно степном ареале, в том числе прототюрками-кочевниками и позже тюркскими этносами. При этом нужно отметить его достаточно активное взаимодействие с культурой оседлых, земледельческих государств, как это рельефно отражено в историко-философских романах и других произведениях. Степное знание в современном тексте может аккумулировать в себе значимые эпистемы не только кочевой, но и древней и средневековой городской культуры, архитектуры, скульптуры.

Междисциплинарный подход в исследовании *степной проблематики* в пространстве художественного дискурса Казахстана позволяет рассмотреть во временной и пространственной перспективе семантику и функциональность некоторых значимых эпистем. Достаточно объемная источниковая база различных исследований обеспечивает понимание номадизма как мирового прецедента общечеловеческой истории, культуры, неоднородного цивилизационного явления [1]. По мнению некоторых номадологов, кочевничество как уникальное явление цивилизации, истории человечества отражает «особый вид производящей экономики» [1, с. 691]. Тем самым подчеркивается такое органическое качество номадизма, как динамика, пространственная объемность, синхроническая и диахроническая релевантность. Интересно, что в современной культуре тюркских народов отчетливо проявляются отдельные архаичные элементы номадизма, включая ритуальные, сакрально-культовые коды. Некоторыми исследователями ставится вопрос о «повторной номадизации» в новейшее время, в результате произошедших коренных перемен в общественной и государственной бытийности «бывших» кочевых народов, к примеру, монголов [1].

В данном аспекте особый интерес вызывают многочисленные культурные ретроспекции номадизма и присущие ему эстетико-философские качества в современной казахской литературе и искусстве. Анализ казахской литературы последних десятилетий показывает многоплановую разработку данной проблематики в исторических произведениях и текстах с отчетливой постмодернистской техникой.

В современном искусстве Казахстана степное знание приобретает особый статус базовой эпистемы, символической, метафорико-концептуальной системы. Оно сохраняет, активизирует и развивает историческое сознание, способствует укреплению национального самосознания, социокультурной идентичности этноса/этносов ареала Великой степи. Наибольшую релевантность показывают исторические произведения, в которых бытийная в аспекте широкой диахронии достоверность не исключает сложную романную эстетику, многоплановость сюжетной композиции, полифоничность и нарративную специфику. Различные встроенные в сюжет универсальные, историко-культурные, ритуальные, экономические и иные коды, часто «рассеянные» по тексту, могут воссоздавать общую историческую атмосферу описываемых событий, раскрывать глубинные причинно-следственные связи между ними, выводить на широкие философские и онтологические обобщения.

Введение

Необходимость реактуализации в широком междисциплинарном и международном исследовательском модусе эпистемы *степное знание* и связанных с ней различных конструктов обосновывается наблюдаемым в Казахстане и других странах Центральной Азии, Монголии, Сибири и других регионов степного ареала настойчивым стремлением гуманитариев к целостной реконструкции Степи как цивилизационного феномена в истории

человечества. Нынешнее время – время тотальной перестройки сознания (исторического, художественного, философского и др.), ломки стереотипов, предубеждений, предрассудков. Появляются межпредметные исследования, нацеленные на воссоздание правдивой истории народа, осмысление в конечном итоге протогенезиса многих тюркских народов, специфики формирования их бытийности, в том числе языковой, общей ментальности, мировоззрения.

Подтверждением преемственности таких изысканий является наличие весомой источниковой базы. В условиях жесткой цензуры советского времени казахские ученые стремились к максимальной объективизации данных, полученных в ходе различных полевых, источниковых и иных работ. Получили известность и мировое признание известные работы Алькея Маргулана, Мухтара Ауэзова, Карла Байпакова, Кемаля Акишева, Манаша Козыбаева, Жабайхана Абдильдина, Муханмадияра Орынбекова, Едыге Турсунова, Канат Нурлановой и многих других. В этом же ряду – фундаментальный труд «Древний мир права казахов» Салыка Зиманова, книги по истории казахской литературы, языка, мифологии, фольклору, истории, философии, тюркологии, археологии Серика Кирабаева, Абду-Али Кайдара, Шоры Сарыбаева, Рахманкула Бердибая, Карла Байпакова, Зейнуллы Кабдулова, Сеита Каскабасова, Досмухамеда Кшибекова, Оразака Исмагулова, Кенеса Нурпеиса, Едыге Турсунова, Кенжехана Матыжанова, Булата Кумекова, Бахыт Азибаевой, Зиры Наурызбаевой, Серикбола Кондыбая и многих других ученых Казахстана.

Закономерным результатом такого междисциплинарного взаимодействия ученых различной специализации стало появление уникальных трудов, где четко и ясно артикулировалась выходящая далеко за рамки европоцентристской и советской доктрины идея многотысячелетней истории казахской Степи как развитого миропространства со специфичной цивилизационной и культурной архитектоникой. Наиболее высокая концентрация Степного знания отражена в художественной эмпирике, включая казахский фольклор, мифологию, литературу, устно-поэтическое авторское творчество.

Концепт *Степное знание* является одним из базовых, хотя и часто имплицитно существующих, понятий казахской философии, этнопедагогики, этнопсихологии, изобразительного, монументального, музыкального искусства и других гуманитарных дискурсов. Одним из первых широко применил и научно обосновал это понятие Ауэзхан Кодар: «Так что же такое Степное знание? Это, в первую очередь, знание, не оторвавшееся от своих носителей. Во-вторых, передаваемое изустно из поколения в поколение; в-третьих, это знание, неизбежно трансформирующееся от своих передатчиков и встречающихся на пути явлений. Всем этим, в-четвертых, обусловлена катастрофическая фрагментарность Степного Знания /.../» [2, с.57].

Степное знание включает в себя массу дискурсивных элементов, культурных кодов материальной и духовной культуры казахского и других кочевых народов степного ареала Евразии. Данная знаниевая парадигма

основывается на духовной и культурной традиции кочевых по преимуществу народов. При этом традиция понимается как непрерывный преемственный процесс наследования и передачи содержательной, мировоззренческой, историко-культурной и иной информации, важной для понимания национальной картины мира, специфического синкретичного мировосприятия и мировоззрения кочевников Великой степи. Рассматриваемое знание связано с понятием *степной цивилизации*, впервые введенным и обоснованным М. Козыбаевым, подтверждается широкомасштабными казахстанскими и международными экспедициями археологов, историков, фольклористов, искусствоведов.

Степная цивилизация кочевников (в данной статье мы имеем в виду нынешние тюркоязычные народы Центральной Азии, а также Монголии, Сибири) является одним из наиболее интересных и обнаруживающим большую релевантность и перспективность в научном и общекультурном смысле междисциплинарных вопросов. Известные мировой науке историко-археологические открытия – знаменитая бегазы-дандыбаевская культура, древние города Туркестан, Тараз, Сыгнак, Фараб (Казахстан), городище Аркаим (южный Урал, Россия), Меркенский заповедник и многие другие – обнаруживают сочетание развитой кочевой, полукочевой и оседлой земледельческой цивилизации на территории Казахстана и сопредельных стран.

Не углубляясь в историко-археологическую сторону исследования, мы рассматриваем эпистему *Степное знание* в аспекте ее отражения и воссоздания в современной литературе, искусстве Казахстана. Можно отметить, с одной стороны, наследование и включение в «чистом» виде базовых концептов национальной культуры и философии, а с другой – их художественную, смысловую, часто противоречивую семантическую трансформацию. Среди указанных концептов тюркские мифы, сказания, легенды, фольклор как наиболее устойчивые условно-метафорические элементы степного гнозиса занимают особое место. Их вневременная содержательная и функциональная долговечность, в то же время метафорическая емкость и эстетическая перспектива позволяют современным писателям активно использовать эти ресурсы образности.

Материал и методы исследования

Данное исследование посвящено преимущественно рассмотрению семантики самого понятия *степное знание*, его отражения (воссоздания, пересоздания, реконструкции) в современной казахской литературе, включая исторические и постмодернистские произведения. В сравнительном аспекте также привлекаются кинонарративы *Серый Лютый* и *Шал*. Доминирующим подходом выступает междисциплинарный модус осмысления и интерпретации текстов, применяются комплексный литературоведческий, нарративный, структурный, семиотический, герменевтический анализы и другие методы. Используется техника герменевтической реконструкции объектов анализа, при котором культурные объекты (дастан Жусупа

Баласагуна, Отрар, Семизкент, балбалы, различные мифологемы, фольклоремы и другие) представляются в контексте исторического и художественного времени и пространства, соотношения документального и квазидокументального нарративов.

Исследовательский корпус межпредметной проблематики *степного знания* включает в себя казахстанские источники по казахской и тюркской истории, этнографии, мифологии, фольклору, литературоведению, текстологии, концептологии. В фоновом режиме привлекаются некоторые труды зарубежных ученых по номадологии, экспериментальной стилистике, семиотике, цивилизационным кодам, нарратологии, философии текста С. Чатмана, Р. Водак, Дж. Лакоффа, М. Фуко, Б. Энхтувшина и других.

Художественная генерализация и реконструкция задействованных кодов культуры происходит на нескольких уровнях поэтики текста: собственно сюжета, композиции, нарративного сценария, персоносферы, включая активно действующих героев, их двойников, а также имплицитных образов, обширной национальной и инонациональной метафоричности, символики и ритуальности. Взаимодействие указанных уровней способствует также формированию широкого когнитивного и ассоциативного поля текста, пролонгированного эффекта накопления и передачи знания, в данном случае – Степного знания. В качестве иллюстрации данного положения можно привести историческую диалогию «Саки» Б.Жандарбекова [3], где культурные коды различной этноориентации (саков, персов, греков, египтян, вавилонян, мидийцев и другие) не противодействуют друг другу, порождая семиотическую какофонию, а, напротив, сохраняют свою бытийную индивидуальность, взаимодействуют, воспроизводя в итоге широкую панораму описываемого исторического времени, диалогического пространства древних культур и цивилизаций, степи и города, кочевников и земледельцев. Автор воспроизводит не только хозяйственно-экономические, дипломатические отношения между различными соседними народами, общее ощущение эпохи великих событий, но и тонкие нюансы этнопсихологии, этики и этикета разных народов, хотя магистральным мотивом, связывающим в единое целое данный дескриптивно неоднородный текст, выступает мотив уникальности Великой степи, номадической цивилизации. Естественно, что текстовый объем кодов сакской культуры здесь превалирует над всеми остальными.

Результаты и обсуждение

Степное знание в современном художественном дискурсе проявляется как на сюжетно-событийном, так и на метафорическом, символично-образном уровне поэтики текста. Его ключевые характеристики как ментального базиса средневекового тюркского общества, к примеру, эксплицитно проявлены в романе «*Жүсін Баласағұн*» А.Егеубая [4]. Представлена уникальная эстетико-философская доктрина Просвещенного знания, Просвещенной монархии, «практического разума» (М. Орынбеков) первого тюркского просветителя Жусупа Баласагуна через репрезентацию и осмысление историко-культурных

особенностей эпохи Караханидов, воссоздание ее сложной государственной и социальной структуры, специфики дипломатии, торгово-экономических отношений с соседними землями. Важнейшим исторически обусловленным «культурно-когнитивным априори» (термин М.Фуко [5]) романа выступает концепт единения тюркского мира.

Синкретичная жанровая эстетика романа-эссе предопределяет его многоплановую сложную структуру с сильным рефлексивным компонентом в ядре повествования. Композиция включает в себя объемные поэтические вставки и лирические отступления, метанарративы, экскурсы в историю, архитектурную специфику того или иного города (особенно Семізкента – ныне Самарканда), элементы экфрасиса, мифологические и фольклорные элементы, множество гетеропических элементов. Для данного текста с отчетливо проявленной ризоматичной структурой характерной особенностью является сочетание сюжетной конкретики и центрирующих философских размышлений о смысле бытия, справедливости, гармонии, блага, сущности истинной веры.

Соотношение собственно степной зоны как бытийной основы номадов, миропространства Великой степи и ряда ее городов, многие из которых приобрели статус беспрецедентных знаков культуры – Отрар, Туркестан, Мерке, Тараз, Сыгнак, Сарайчик, Аркаим, Семизкент и других актуализует также вопрос гетеротопий, или «иных пространств», «пространства в пространстве», по М.Фуко. Гетеротопии, как известно, наиболее четко проявляются в художественном тексте. Это связано с процессами абстрагирования, ментального воспроизведения и реартикуляции той или иной знаковой системы, в данном случае, топосов, значимых в общетюркском культурном ландшафте. В рассматриваемых исторических романах город, как правило, являет собой значимый, часто сакральный, компонент Великой степи, в котором аккумулируются, развиваются академическое знание, ремесла, различные науки и искусства. Сакрализация любого объекта происходит, по мысли М.Мусина [6], через придание ему особой вневременной ценности, образцового смыслового статуса. В художественном дискурсе можно отметить повторную сакрализацию, которая представляет собой наиболее активный процесс восстановления культурной, духовной ценности объекта.

Примером повторной сакрализации объекта может служить исторический роман «Гибель Отрара» Х.Адибаева [7]. Безусловно исключительная для тюркского мира ценность Отрара – родины Абу Насра аль-Фараби, Учителя, как почтительно называет его Кадыр-улем, хранитель библиотеки – сохраняется в названном тексте. Город Отрар (Фараб) включается в когнитивный ряд традиционных национальных символов, в том числе посредством его повторной сакрализации в художественном тексте. Город предстает перед читателем через развернутые описания, диалоги и монологи персонажей – жителей и его гостей, чужеземцев, степняков, монгольских воинов, включая Чингисхана, сюжетные коллизии, метаданные из истории, этнологии, философии. Он наполнен множеством голосов и

звуков, событиями, персонажами, отсюда полифония данной культуремы, обретшей статус кода мировой истории и культуры. Разрушенный до основания Чингисханом, Отрар обретает характеристики города-героя всего тюркского мира, сохраняющего сакральное значение по настоящее время (Отрарский государственный археологический музей-заповедник).

Созданию текстуальной емкости, историко-философской эстетики текста способствует многолинейная романная оптика повествования. Она отражает восприятие легендарного города разными персонажами: Чингисханом и его нойонами, Каир-ханом, его окружением и простыми горожанами. К примеру, в воображении слепого Кербугу-жырау, пришедшего на пепелище города, предстают мощные крепостные валы Отрара, его дивные минареты и дворцы, высокие купола мечетей, Караспанские горы вдали. Приведенные фрагменты переданы через ретроспективное восприятие слепого сказителя. Преобладающая дескриптивная орнаментальная стилистика, включение устаревшей поэтической ориенталистской лексики, указание важных дат также позволяют последовательно воспроизвести ассоциативный ряд важных для концептосферы романа этномаркированных деталей: *знаменитая Отрарская библиотека, достославный Отрар, врата Хорезма, могучая крепость, куда по Шелковому пути стекались все богатства мира, своды Голубого дворца, желтые, песчаные холмы Отрар-тюбе и Каир-тюбе* [7].

Такой подход отражает проблематику «субтопоса как устойчивого художественного образа; топоса как пространства памяти» [8]. Как отмечает Е.Ч. Богдевич, «субтопосы - гетеротопии представляют собой пространственные образы, маркирующие переломные сюжетные ситуации. /.../ Способность топоса выступать в качестве механизма сохранения и ретрансляции культурной памяти обусловлена его структурой» [там же]. Помещенный в центр повествования, Отрар становится знаком культурной памяти, сохраняя изначальные ценностные характеристики и глубинные смыслы. Легендарный город становится культурным феноменом, отражающим непрерывную связь поколений, в широком смысле – историческую память казахского и других тюркских народов.

На семиотическом уровне историософема Отрар трансформируется в сакральный прецедент, код духовной культуры. Нравственный императив как смысловое ядро данного кода становится сквозным мотивом романа, одним из его центрирующих компонентов. Дополнительную энергетику тексту придают различные исторические данные, вынесенные в эпиграфы глав цитаты из исторических трактатов, собственные поэтические и написанные верлибром вставки с сохранением жанровой специфики степной риторики (толгау, жоқтау, алғыс и др.), обширные комментарии и примечания в конце книги.

Возвращаясь к вопросу гетеротопий, нужно отметить, что исторический *субтопос* (Е.Ч. Богдевич) (к примеру, Ассирия, Ниневия, Вавилон, Пасаргады, Иерусалим, Сакамена, Лидия, Мидия – в диалогии «*Саки*» Б.Жандарбекова) или безымянный, но узнаваемый по множеству деталей (к примеру, «Дом сурикаата» А.Жаксылыкова [9]) в тексте, как правило, выполняет

взаимосвязанные функции нарративного, концептуального ядра и одновременно историко-культурного фона – в первом случае, образ-симулякра – во втором.

Уникальная архитектура, философия градостроительства часто выступают, по теории М.Фуко, гетеротопиями, «иными» пространствами, отражающими национальный менталитет, быт, обычаи, специфику зодчества, ремесел. К примеру, такие реалемы древней и средневековой Степи, как *курган, мечеть, медресе, библиотека, купальни, минарет, чайхана, балбалы, базар, караван-сарай, зиндан, дувал, мазар* и другие воссоздают необходимый традиционный мироуклад степного региона. Подобные гетеротопии в пространстве художественного текста выступают эксплицитным каналом ретрансляции архаичных знаков культуры, важных для создания необходимой эстетики и философии текста, его когнитивной и эмотивной атмосферы, создания ментальных переходов между прошлым, настоящим и будущим. Четко маркируя и кодируя пространство и время текста на *свое* и *чужое*, концепт *город* приобретает качества философемы – культурного кода, обладающего устойчивым семантико-структурным и полифункциональным содержанием, протяженным в историческом и художественном времени и пространстве.

Если город Отрар положительно маркирован как базовый концепт, имеющий непреходящую культурную ценность, то город, как и острова, в романе «Дом суриката» А. Жаксылыкова [9] выстроен иначе, в постмодернистском ключе: он смонтирован из множества не связанных между собой замкнутых пространств, размытых деталей, намеков, аллюзий. Это город – призрак, в котором живут и действуют преимущественно призрачные герои-симулякры, проживающие свою иллюзорную судьбу. Безликий герой - нарратор называет известное алматинцам название только одного локуса (Ботанический сад). Выморочные образы персонажей, деструктивные картины наступившего апокалипсиса детерминируют сюжетику и архитектуру футуристического романа А. Жаксылыкова. Город как гетеротопия в фуколтианском смысле в жизненном микропространстве безымянного нарратора (человека – суриката) представляется антимиром, рукотворным хаосом, в котором иллюзия и реальность настолько тесно соединены, что трудно отличить одно от другого.

Семантика и символика кода *город* как цивилизационного феномена равно, как и других концептов (степь, человек, мужчина, женщина), здесь переходит в экзистенциальное поле *иного пространства*, конца цивилизации, тотального одиночества и пустоты. Город-симулякр лишен «лица», он – лишь фон, на котором развивается событийная, преимущественно рефлексивная, фантазмагорическая посткатастрофическая реальность. Пустой город здесь – город одиночек, запертых в башнях и бункерах, пустынный железобетонный город вселенского хаоса и мрака. Происходит замена аксиологической доминанты *субтопоса как пространства памяти* (Е.Ч. Богдевич) *пространством без памяти, инопространством* апокалипсиса.

В другом постмодернистском романе «*Гүлдер мен кітаптар*» Д. Амантая [10] анализируемый концепт так же, как и в предыдущем тексте, выполняет функцию экзистенциального фона, но в совершенно иной оптике. Здесь город – узнаваемая реалема, встроенная в профанное пространство – обычную квартиру экзистенциально одинокого и внутренне опустошенного героя. Герой-одиночка вынужден взаимодействовать с городом: с работниками коммунальных служб, незнакомцами, грубо вторгающимися в его замкнутый мир книг и цветов.

Мир шумного, суетливого современного мегаполиса как профанного пространства и замкнутый мир квартиры как микролокуса, внутренний мир героя, погруженного в размышления об отвлеченных вещах, существуют параллельно, без активного взаимодействия. Традиционная сакральная и символическая эстетика города как *пространства памяти* (Е.Ч. Богдевич) заменяется в данном тексте профанным, не представляющим ценности для героя *чужим* пространством. В соответствии с заданной концепцией текста происходит намеренная десакрализация города.

Рассмотрев в динамике семиотику *города* как *субтопоса* и *гетеротопии* в художественном произведении, можно прийти к заключению об эстетической, смысловой и стилистической подвижности данного кода в широком временном диапазоне (прошлое – настоящее – будущее). Сохранение сакральной ценности того или иного *субтопоса* Великой степи в исторических произведениях приобретает качественно иную семантику в постмодернистских текстах. В одних случаях («*Гибель Отрара*», «*Саки*», «*Жүсіп Баласағұн*») город сохраняет символическое значение известного историко-культурного памятника мировой и национальной истории, в других – значение философемы, мифологемы, экзистенциального понятия («*Гүлдер мен кітаптар*», «*Дом Суриката*»). Код *города*, как и другие знаки культуры, может становиться нарративным центром, последовательно выстраивая ряд ассоциативных, рефлексивных, эмотивных, смысловых связей, открывая новые возможности для жанрово-стилевого моделирования текста.

Развивая далее один из важнейших принципов Фуко о том, что каждая культура создает свои гетеротопии, мы находим такие специфические элементы в архаичных степных скульптурах – *балбалах*. Они рассредоточены на всем пространстве казахской степи и далеко за ее пределами. По мнению археолога А. Досымбаевой, «расцвет культуры кочевников эпохи средневековья в степной части Евразии нашел свое выражение и в монументальном искусстве тюрков. Возможно, именно оно является одной из самых ярких страниц, иллюстрирующих мировоззренческие представления кочевников, стремящихся подчеркнуть свое миропонимание и выделить духовность в системе ценностей окружающего его со всех сторон оседлого населения. /.../ Культурные памятники, сооруженные тюрками, отражают своеобразие мышления, интеллектуального постижения себя во времени и пространстве» [11, с. 40]. Уникальная эстетика древнего и средневекового монументального искусства кочевников Великой степи, в частности каменных изваяний – *балбалов*, подтверждает мысль о когнитивной и гносеологической

объемности Степного знания. Каждый из обнаруженных балбалов выполнен в оригинальной технике, содержит ценную историко-культурную информацию, сохраняет до настоящего времени общую семантику сакрального компонента Степного знания [11, с. 40].

Интеллектуальное постижение себя [11] тюрками нового времени представлено в повести «Қыпшақ аруы» М. Мағауина [12]. Жанровый синкретизм повести отчетливо проявляется в игровой эстетике постмодерна. Введение в текст метатекстов (дневниковые записи, указание мест, дат, архаичных топонимов, интертексты, терминология искусствоведения, истории), качественного изменения хронотопа в сочетании с *двойной* перспективой, трансцендентными элементами мистики позволяет в широкой временной ретроспективе актуализировать древнюю историю, искусство и мировоззрение насельников степи.

Потерянный во времени и пространстве балбал кипчакской красавицы Айсулу оживает в современной скульптуре, что становится началом поиска и нахождения себя, а заодно и читателя, самого художника, мастера. Ряд последовательных фантазмагорических событий, детерминируемых мотивом мистического *перемещения* скульптора и его возлюбленной, обеспечивает смысловую и эмотивную значимость исходного кода – *балбала*, его культурную реактуализацию в знаниевой парадигме современного тюркского мира.

С нарративной точки зрения происходит сложный, хотя и вполне понятный с точки зрения постмодернистской логики, процесс контаминации реального и фантастического, продуцирующий обе истории с одним главным персонажем

– ваятелем Санжаром. Большой временной лаг между событиями (более 9 веков) подчеркивает сакральный статус балбала, его этнокультурную ценность. С одной стороны, «ожившая» статуя становится началом нового рассказа, с другой – истории возвращения главного героя к своей прошлой (много веков назад), забытой, истинной личности древнего скульптура Санжара – возлюбленного Айсулу-бегим. В повествование включено описание Дешт-и-Кипчак – исторического региона Евразии, простиравшегося от Иртыша до Дуная, постоянные размышления нарратора о древнем тюркском искусстве, заключенных в нем глубоких смыслах восприятия и освоения окружающего мира, осознания кочевником своей индивидуальности. Пространственный историко-культурный экскурс хикаята (авторское обозначение жанра текста), аргументация в тесном сплетении с эстетикой фантастического, архетипикой волшебной сказки активизирует механизмы национального и исторического сознания, семиотического притяжения кодов тюркской культуры, сохранившихся артефактов Степного гнозиса (в данном случае – *балбалов*).

Как и любое другое знание, степное знание формировалось постепенно. Обосновывая гносеологический статус Степного знания в осмыслении окружающего мира, выработке традиционной системы представлений, верований, включая метафизические, трансцендентные пролегомены, нельзя

обойти вниманием такое явление, как его трансляторы. В традиционном степном обществе (в данном случае казахском), как известно, особое место занимали жырау, ақыны, бақсы-балгер, жырышы, емші, құмалақшы и другие носители исконного знания. Фактически содержание уникального субстрата кочевой цивилизации транслировалось через указанные персоналии, более того они являлись авторами текстов, которые становились благодаря динамичной устной коммуникации чрезвычайно популярными среди всех слоев общества.

Выдающимися представителями казахской авторской устной поэзии являются Асан қайғы и Қазтуған жырау (XV в.), позже целая плеяда поэтов - сказителей, казахских менестрелей – жырау Ақтамберды Сарыұлы, Шалқиіз, Марғасқа, Тәтіқара и другие. Особое место занимают в национальной поэзии и истории знаменитые Бұқар жырау Қалқаманұлы, Үмбетей жырау (XVIII в.), Машхур Жусуп Копеев (к. XIX – нач.XX вв.) и другие. Эти и другие имена поэтов-философов Степи связаны со становлением и укреплением национальной и государственной идентичности. Е.Турсунов обращает внимание на ключевой момент в понимании творчества акынов и жырау, заключающийся «в том, что для авторской устной поэзии характерна своя система жанров, отсутствующая в собственно фольклорной поэзии» [13, с.95-96]. К «идеологическому знанию» Степного гнозиса наряду с *билигами* каганов, ханов, судей, согласно представленной типологии А.Кодара, необходимо отнести: дастан «*Кутадгу билиг*» Жусупа Баласагуна, «*Сборник тюркских наречий*» Махмуда Кашгари, «*Сокровенное сказание монголов*», «*Чингиз-наме*», многие казахские эпосы [14].

Отличительным свойством Степного знания является его коммуникативная, когнитивная емкость и гибкость. Изначально присущие ему интуитивность и сверхчувствительность, четкая проявляемая глубинная связь с природой, циклами, особое чувственно-образное и прикладное восприятие космических тел, звезд, планет по преимуществу лежат в основе национального образа мира, мироустройства и мировоззрения казахов и других кочевых и полукочевых народов Центральной Азии, Сибири, Монголии. Как отмечает А.Кодар, «уникальность Степного Знания в том, что это знание особого горно-степного ландшафта, добываемое путем медитации и передающееся вербально, благодаря мнемотехнической практике, выработавшей свои коды и правила, а также методы усвоения материала, распространяющиеся и на институционально-нормативное знание оседлых народов» [14].

Необходимо отметить, что семиозис данного конструкта в современной литературе и искусстве может отчётливо проявлять свою органичность и сопричастность к прошлому, будущему и настоящему народа. Сохранение и одновременно трансформация таких значимых для целостной номадической картины мира ядерных кодов, как «степь», «волк», можно найти также в кинонарративах. К примеру, в двух визуальных нарративах: фильм «*Серый лютый*» (1973г.) Толомуша Океева и «*Шал*» (2012 г.) Ермека Турсынова, снятого сорок лет спустя. В них мы находим отличающиеся друг от друга

сюжетные, бытийные, временные конфигурации и композиционные решения. С нарратологической точки зрения, «насколько время является измерением истории как события, настолько мерой истории как сущностного явления является пространство» (перевод наш – А.С.; здесь под историей понимается рассказ - story) [18, с. 96]. Другими словами, рассказываемая история событий объективируется временем, а пространство определяет сущность данной истории.

В названных кинонарративах код *степь*, его вневременная целостная бытийность выступает пространством, не зависящим от воли человека равно, как и *волк/волчица* есть его константное альтер-эго. Волк, как известно, – базовый тотем тюрков. Независимость, решительность, воля, сила, присущие этим животным, – исконным правителям степи, изображаются соответственно их природе. Однако эстетика манифестации образа волка может значительно различаться. В современной картине Е.Турсынова белая волчица и ее стая – зримая метафора неотвратимости рока, наказуемости безрассудного попрания сакрального степного кодекса. В фильме же «*Серый лютый*», снятом по мотивам рассказа «Көксерек» Мухтара Ауэзова, могучий волк-одиночка в полной мере проявляет свою звериную сущность, «темную» сторону знака-тотема. В обоих случаях сохраняется общее пространство действия – казахская степь и тотемическое для тюрков животное – волк.

В современных казахских романах, особенно исторической тематики, концептуальная метафора *степное знание* логично связана с концептом *историческое знание*. Масштабная ретроспектива позволяет активизировать ассоциативное поле, историческое мышление читателя/зрителя. Так, в романе-эссе «*Жүсіп Баласағұн*» А.Егеубая [4] *степное знание* трансформируется в уникальную концептуальную метафору *Құтты білік* (*Құтадғу білік* – *Благодатное знание*), реализованную в книге через философский анализ одноименного энциклопедического дастана Жусупа Баласағуна.

Говоря о противоречивой художественной реконструкции Степного знания, включая собственно миф, фольклор, нельзя обойти вниманием постмодернистский «*Казахский эротический роман*» Б. Жылкибаева [15]. Авторское «жанровое расширение» – *казахский эротический роман* – имеет четко артикулируемый этнокультурный компонент. С другой стороны, он отсылает к общемировой культурной традиции эротической литературы, начиная с «Декамерона» Джованни Боккаччо, и, пожалуй, с более ранних источников, к примеру, с мифов о богах и происхождении родов. Можно сказать, что произведение Б. Жылкибаева намеренно разрушает канон жанра эротического романа и в целом эротической литературы (с ее акцентом на семантику определения). Подобное разрушение эстетики, содержания, логики повествования эротического романа в принципе соответствуют общестилевой направленности постмодернистского текста, нацеленного на известный принцип «множественности интерпретации» наряду со своеобразным философско-эстетическим эклектизмом.

Сложная структура и стилистика данного романа не всегда последовательно, но все же формируется включением различных метаданных,

поэтических интертекстов, прототюрских мифических референций, источников по истории и культуре казахского народа, в целом тюркогенезу. Собственно «эротическая» составляющая «приглушена» действительно интересными пассажами из казахской мифологии и эпоса, экскурсами в культурогенез женского начала, института семьи и рода в номадической традиции. Здесь ритуалистика Степи с жертвоприношениями животных, долгих камланий – магических заклинаний – песнопений бақсы, фольклорных эротических мотивов в романе трансформируется в квазиритуалистику советских и постсоветских времен с долгими парадными речами различных карикатурных начальников.

В романе можно отметить также скрытую метаморфозу традиционного женского начала прототюркской и национальной картины мира – праматерь Умай, мифообраз Халаш – в современный женский код, в котором почти полностью разрушены мистический и магический элементы мифа-основы. Однако художественная проработка историко-культурных кодов (миф о Синем волке – прародителе тюрков, традиционные ритуалы и обряды, фольклорные источники), включение пространных саркастических и иронических экзерсисов, которые вместе с квазидетективной сюжетной линией создают ризому-текст, тяготеющий к паралитературе. Последняя, как известно, развивается на стыке различных искусств, науки, литературного творчества.

Проведенное исследование доказывает, что семиотическая объемность степного знания, его безусловная этнокультурная ценность выступают значимой когнитивной константой художественного мира современной казахской литературы и искусства. Междисциплинарный наукоемкий характер рассматриваемой проблематики, необходимость популяризации культурного наследия Казахстана обосновывает то, что результаты исследования степного гнозиса регулярно представляются учеными на различных форумах по истории, литературе, философии, искусствоведению и другим отраслям, а также в рамках грантовых проектов, фундаментальных программ в Казахстане и других странах.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что компоненты данного гнозиса реализуются в современной казахской прозе и искусстве на нескольких взаимосвязанных уровнях восприятия, прочтения и осмысления текста: *пространственно-временном, предметно-вещном, символично-метафорическом, семиотическом, ассоциативно-рефлексивном, ментальном, информативно-коммуникативном* и других. Эстетический и философский модус интерпретации артефактов духовной и материальной культуры насельников степи выпукло проявляется в полифонических, многоплановых произведениях современной казахской литературы и искусства, особенно исторической тематики. Сохранение и развитие этнокультурного своеобразия, идентичности степного ареала происходит посредством ясно артикулируемой в ряде текстов идеи возрождения

национальной духовности, восстановления исторической правды. Имманентно существующие сакральные гетеротопии степного пространства, взаимосвязанные коды номадической, тюркской, оседло-земледельческой культуры детерминируют объемные в гносеологическом аспекте сюжетные, нарративные, когнитивные и информативные структуры текста. Подобный подход способствует воссозданию бытийности Великой степи в диахроническом и синхроническом разрезах.

Концептуально целостное содержание Степного знания как особой знаниевой парадигмы, цивилизационного феномена, его вневременная историко-культурная и эстетическая ценность сохраняется при художественной реконструкции в литературных или иных нарративах. Сложная задача сохранения и адекватной передачи эстетики древнего знания в современном искусстве Казахстана успешно решается применением различных традиционных методов и экспериментальных техник. Онтологический статус Степного знания является подтверждением известного тезиса о диалоге культур и цивилизаций, культурного разнообразия в глобальном масштабе.

Статья подготовлена в рамках грантовых проектов КН МНУВО РК «Современное литературоведение и когнитивная парадигма» (ИРН АР09259694) и «Актуальные проблемы переводоведения Казахстана: теоретические и прикладные аспекты» (ИРН АР19679556).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Энхтувшин Б. Номады и номадизм: традиции и современность // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 4. С. 691–699. ISSN 1993-3541 DOI 10.17150/1993-3541.2015.25(4).691-699 - Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nomadizm-traditsii-i-sovremennost>
- [2] Кодар А. Мировоззрение кочевников в свете Степного знания// Культурные контексты Казахстана: история и современность. – Алматы: Ниса, 1998. – С.56 - 65.
- [3] Жандарбеков Б. Саки. Исторический роман-диалогия. – Алматы: Жазушы, 1993. – 624 с.
- [4] Егеубай А. Жүсіп Баласағұн. Роман-эссе. – Алматы: Арда, 2005. – 312 б.
- [5] Foucault M. Of Other Spaces: Utopias and Heterotopias// From: Architecture /Mouvement/ Continuité October, 1984; (“Des Espace Autres,” March 1967Translated from the French by Jay Miskowiec). - Режим доступа: URL: <http://web.mit.edu/allanmc/www/foucault1.pdf>
- [6] Мусин М. З. Сакрализация и профанизация в развитии культуры// Вестник социально-политических наук ЯрГУ им. П.Г.Демидова. – 2015. – №14. – С.122-127.
- [7] Адибаев Х. Гибель Отрара. Исторический роман. – Алматы: Білім, 1997. – 352 с.
- [8] Богдевич Е.Ч. Топос как пространство памяти: структура, семантика, механизмы развития. - Режим доступа: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38236640>
- [9] Жаксылыков А. Дом суриката. – Алматы: Ценные бумаги, 2008. – 434 с.
- [10] Амантай Д. Гүлдер мен кітаптар// Қарқаралы басында. – Алматы, 2010. – 396 б.
- [11] Досымбаева А. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. –Тараз: ЖИЦ «Сенім», 2002. – 108 с.
- [12] Мағауин М. Қыпшақ аруы. Хикаят // Жұлдыз, 2005г. – № 1.
- [13] Турсунов Е. Единство эстетического опыта кочевых и нековечных народов // Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. – Алматы: Ғылым, 1993. – С.94-124.

- [14] Кодар А. Типология Степного Знания// [bibliotekar.kz](http://bibliotekar.kz/stepnoe-znanie-auyezhan-kodar/stepnoe-znanie-zaklyuchenie.html). - Режим доступа: URL: <http://bibliotekar.kz/stepnoe-znanie-auyezhan-kodar/stepnoe-znanie-zaklyuchenie.html>
- [15] Жылкыбаев Б. Казахский эротический роман. – Алматы, 2010. – 440 с.

REFERENCES

- [1] Enkhtuvshin B. Nomady i nomadizm: traditsii i sovremennost' // Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii. 2015. T. 25, № 4. S. 691–699. ISSN 1993-3541 DOI 10.17150/1993-3541.2015.25(4).691-699 - Rezhim dostupa: [URL:https://cyberleninka.ru/article/n/nomady-i-nomadizm-traditsii-i-sovremennost](https://cyberleninka.ru/article/n/nomady-i-nomadizm-traditsii-i-sovremennost) (Nomads and nomadism: traditions and modernity) [In Rus].
- [2] Kodar A. Mirovozzrenie kochevnikov v svete Stepnogo znaniya (Worldview of nomads in the light of Steppe knowledge)// Kul'turnye konteksty Kazakhstana: istoriya i sovremennost'. Almaty: Nisa, 1998. S.56 - 65. [In Rus].
- [3] Zhandarbekov B. Saki. Istoricheskii roman-dilogiya (Saki. Historical novel in two books). Almaty: Zhazushy, 1993. 624 s. [In Rus].
- [4] Egeubai A. Jüsip Balasağün. Roman-ese (Yusup Balasagun. Novel-essay). Almaty: Arda, 2005. 312 b. [in Kaz].
- [5] Foucault M. Of Other Spaces: Utopias and Heterotopias// From: Architecture /Mouvement/ Continuité October, 1984; ("Des Espace Autres," March 1967 Translated from the French by Jay Miskowiec). - Rezhim dostupa: URL: <http://web.mit.edu/allanmc/www/foucault1.pdf>
- [6] Musin M. Z. Sakralizatsiya i profanizatsiya v razvitii kul'tury (Sacralization and profanization in the development of culture) // Vestnik sotsial'no-politicheskikh nauk YarGU im. P.G.Demidova. 2015. №14. S.122-127. [In Rus].
- [7] Adibaev Kh. Gibel' Otrara. Istoricheskyy roman (The death of Otrar. Historical novel). Almaty: Bilim, 1997. 352 s. [In Rus].
- [8] Bogdevich E.Ch. Topos kak prostranstvo pamyati: struktura, semantika, mekhanizmy razvitiya (Topos as a space of memory: structure, semantics, mechanisms of development) - Rezhim dostupa: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38236640> [In Rus].
- [9] Zhaksylykov A. Dom surikata (Meerkat's house). Almaty: Tsennyye bumagi, 2008. 434 s. [In Rus].
- [10] Amantai D. Gülder men kıtaptar (Flowers and books)// Qarqaraly basynda. Almaty, 2010. 396 b. [in Kaz].
- [11] Dosymbaeva A. Merke – sakral'naya zemlya tyurkov Zhetysu (Merke is the sacred land of Turks of Zhetysu). Taraz: ZhITs «Senim», 2002. 108 s. [In Rus].
- [12] Mağauin M. Qypşaq aruy (Kypchak beauty). Hikaiat // Juldyz, 2005g. № 1. [in Kaz].
- [13] Tursunov E. Edinstvo esteticheskogo opyta kochevykh i nekochevykh narodov (Unity of aesthetic experience of nomadic and non-nomadic peoples) // Kochevniki. Estetika: Poznanie mira traditsionnym kazakhskim iskusstvom. Almaty: Gylym, 1993. S.94-124. [In Rus].
- [14] Kodar A. Tipologiya Stepnogo Znaniya (Typology of Steppe Knowledge) // [bibliotekar.kz](http://bibliotekar.kz/stepnoe-znanie-auyezhan-kodar/stepnoe-znanie-zaklyuchenie.html). - Rezhim dostupa: URL: <http://bibliotekar.kz/stepnoe-znanie-auyezhan-kodar/stepnoe-znanie-zaklyuchenie.html> [In Rus].
- [15] Zhylykbaev B. Kazakhskii eroticheskii roman (Kazakh erotic novel). Almaty, 2010. 440 s. [In Rus].

ДАЛА ТАНЫМЫ ТАРИХИ-МӘДЕНИ ЖӘНЕ ЭСТЕТИКАЛЫК ФЕНОМЕН РЕТІНДЕ

*Алтыбаева С.М.¹

¹Ф.Ф.д., профессор, Нархоз университеті, Алматы қ., Қазақстан,
e-mail: altybayevasaule@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада түркі даласы танымының қалыптасуы мен дамуы, оның мазмұны, қызметі, танымдық-коммуникативтік сипатының қазіргі Қазақстанның әдебиеті мен өнеріндегі көрінісі қарастырылады. Бұл ұғым философияның, археологияның, тарихтың, мифологияның, әдебиеттің және басқа да салалардың деректерін тарта отырып, кең өркениеттік тарихи-мәдени ауқымда қамтылған. Дала танымы – көшпелі қоғамның, тұтас дала өркениетінің елеулі эпистемасы. Зерттеудің жаңашылдығы Қазақстанның қазіргі көркемдік дискурсында жаңартылған далалық танымның пәнаралық мәселелерін танымдық және феноменологиялық тұрғыдан қарастыруда, оның жанрлық, стильдік, философиялық сипаттарын анықтауда. Жұмыстың ғылыми маңыздылығы ұлттық әдебиет пен өнердегі дала танымының құрамдас бөліктерін, жалпы гуманитарлық пәнаралық контексте «дала танымы» терминін эстетикалық-философиялық қайта құрудың маңызды бағыттарын негіздеу мен дәлелдеуінде.

Дала танымының парадигматикасы оның материалдық, рухани өмір кеңістігінің ерекшеліктерін көрсететін ұлттың мәдени кодымен айқын сәйкес келеді. Мақалада бұл білімнің далалық өлкеге сөзсіз жатуы, бірте-бірте қалыптасуы, ұзақ мерзімді тұрақты дамуы және қоғамның барлық қабаттарына кең таралуы, өзгермелілігі, тарих, философия, мәдениет фактілерін, көшпелі қоғамның өзекті мәселелерін түсінудегі ерекше метафораландыру және объективтілік сияқты ерекше белгілері айқындалып, негізделеді. Осыдан - далалық танымның онтологиялық сыйымдылығы, оның кең таралу және аударылу ерекшеліктері. Бұл зерттеудің практикалық маңыздылығы Дала гнозистің негізгі құрылымдарын герменевтикалық қайта құрудың перспективті түпнұсқа әдістемесін ұсынумен, баяндау құрылымын, гетеротопияларды, мәтіннің семантикасын және стилін талдаумен анықталады.

Зерттеу әдістемесіне семиотикалық, когнитивтік, әдеби сын, баяндау, құрылымдық, аксиологиялық талдау әдістері, герменевтикалық реконструкция техникасы кіреді. Ұлы даланың қалаларымен және басқа да жерлерімен байланысты маңызды тарихи-мәдени кодтардың заманауи өнерде бейнеленуінің поэтологиялық ерекшеліктері дамытылуда. Бұл тезис әсіресе тарихи шығармаларда («*Жүсіп Баласағұн*», «*Саки*», «*Отырар өлімі*», «*Қыпшақ аруы*») және постмодернистік мәтіндерде («*Қазақ эротикалық романы*», «*Сурикат үйі*», «*Гүлдер мен кітаптар*») көрінеді. Зерттеудің нәтижелері нақты білім парадигмасы ретіндегі далалық білімнің концептуалды тұтастығын ғылыми негіздеу, Қазақстанның қазіргі көркемдік дискурсында оның тарихи-философиялық және эстетикалық құндылығын сақтау болып табылады.

Тірек сөздер: далалық таным, әдебиет, концепция, мәдениет, код, эстетика, философия, гетеротопия

STEPPE KNOWLEDGE AS A HISTORICAL-CULTURAL AND AESTHETIC PHENOMENON

*Altybayeva S.¹

¹Doctor of Philology, professor, NarXoz University, Kazakhstan, Almaty
e-mail: altybayevasaule@gmail.com

Abstract. The article deals with the formation and development of the Turkic steppe knowledge, reflection of its content, functions, cognitive and communicative nature in modern literature and art of Kazakhstan. This concept is comprehended in a wide civilizational historical and cultural range, with the involvement of data from philosophy, archeology, history, mythology, literature and other areas. Steppe knowledge is a significant episteme of nomadic society, steppe civilization as a whole. The novelty of the study lies in the cognitive and phenomenological consideration of the interdisciplinary issues of steppe knowledge, updated in the modern artistic discourse of Kazakhstan, the identification of its genre, style, and philosophical characteristics.

The scientific significance of the work lies in the substantiation and argumentation of important areas of aesthetic and philosophical reconstruction of the components of the steppe knowledge in national literature and art, the term "steppe knowledge" in the general humanitarian interdisciplinary context.

The paradigmatics of the steppe knowledge clearly correlates with the cultural code of the nation, which reflects the specifics of its material, spiritual life space. The article defines and substantiates such distinctive features of this knowledge as unconditional belonging to the steppe area, gradual formation, long-term permanent development and wide distribution in all strata of society, variability, exceptional metaphorization and objectification in understanding the facts of history, philosophy, culture, current issues of nomadic society. Hence the ontological capacity of the steppe knowledge, the features of its widespread distribution and translation. The practical significance of this study is determined by the presentation of a promising original technique of hermeneutic reconstruction of the basic constructs of the Steppe gnosis, analysis of the narrative structure, heterotopias, semantics and style of the text.

The research methodology includes the methods of semiotic, cognitive, literary criticism, narrative, structural, axiological analysis, and the technique of hermeneutic reconstruction. The poetological features of the reflection in contemporary art of significant historical and cultural codes associated with cities and other topoi of the Great Steppe are being developed. The thesis is especially manifested in historical works (*Zhusip Balasagun, Saki, The Death of Otrar, Kypshak aruy*) and postmodernist texts (*Kazakh erotic novel, Meerkat's House, Gulder men kitaptar*). The results of the study are the scientific substantiation of the conceptual integrity of the Steppe knowledge as a specific knowledge paradigm, the preservation of its historical, philosophical and aesthetic value in the modern artistic discourse of Kazakhstan.

Keywords: steppe knowledge, literature, concept, culture, code, aesthetics, philosophy, heterotopia

Статья поступила 19.05.2023